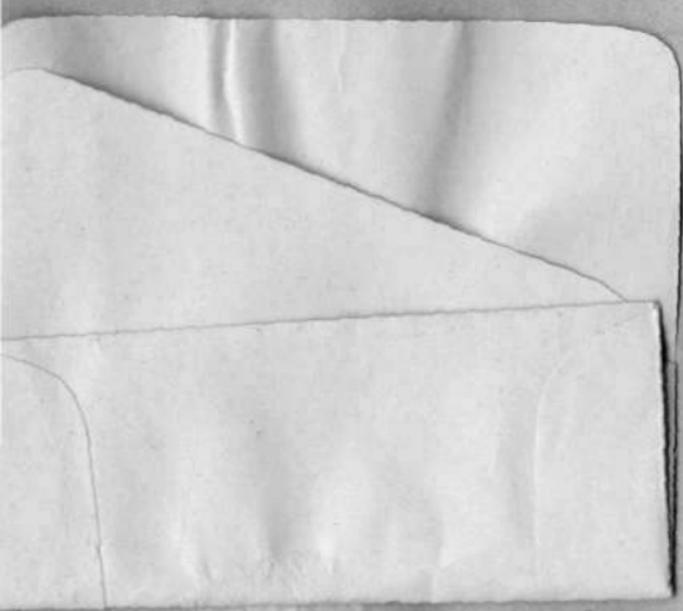


314769

ТРУДОВЫЕ ПОДВИГИ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ

НА НОВОМ МЕСТЕ

ОГИЗ САРАТОВСКОЕ 1942
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО



Саратовское областное государственное издательство. 1942 г.

Ответ. редактор *И. Фомин*

Корректор *З. Чуднова*

НГ21924. Подписано к печати 26/VIII 1942 г. Учетно-издат. 0,6. Печ. л. 3
Знаков в бум. л. 82.000. Тираж 20.000. Цена 10 коп.

Саратов. Набрано в типографии газетно-книжного издательства Обком
ВКП(б). Заказ № 3163. Отпечатано в типографии № 1 Полиграфиздат
Заказ № 3654.

Нелегко расставаться с обжитым местом, со своим родным городом, где ты родился, вырос, обзавелся семьей и, наконец, состарился. Каждая улица, каждый переулок здесь не то что знакомы — этого мало, — дома, заборы, деревья в скверах, даже камни на мостовой тебе близки по связанным с ними воспоминаниям.

Почти полвека прожила в Калининне пожилая потомственная ткачиха Клавдия Матвеевна Ключева. На ее памяти город рос, возвеличивался, превращаясь из тихой, дворянско-купеческой Твери в промышленный советский Калинин. Она помнит фабричную окраину — деревянные одноэтажные дома с некрашенными ставнями и покосившимися крылечками — однообразные, похожие один на другого, как нищие на паперти храма, стоявшего монументом среди жалких лачуг. В одной из этих лачуг она родилась и выросла. Сейчас нет ни лачуг, ни храма, ни нищих. На том месте, где когда-то была рабочая слобода, высятся красивые многоэтажные здания рабочего поселка.

Не осталось почти ничего и от прежних душных, тесных, грязных частновладельческих ткацких фабрик. Фабричные корпуса с широкими во всю стену окнами похожи на дворцы.

Сколько воспоминаний связано с этим местом! Сюда давным-давно маленькую Клавдию привела ее мать. Здесь началась ее трудовая жизнь. 38 лет проработала Ключева на текстильной фабрике, изучила и познала свою профессию в совершенстве. Были успехи, о которых говорилось на производственных совещаниях и писалось в газете, были и неудачи, о которых тоже говорилось и писалось. Была любовь, нежная забота о первенце-ребенке и беспокойство матери за судьбу подрастающих детей. И все это невидимыми нитями связывалось с фабрикой, с работой; домашний быт и интересы производства переплетались, перемежались, дополняли одно другое, иногда были неотделимы одно от другого.

Если бы собрать все полотно, бумазю, маркизет, тонкий шелк, все, что выткала она за 38 лет работы на фабрике, то можно бы выстелить широкую дорогу, через всю страну, от края и до края. Она одевала свой народ в красивые, прочные ткани. Ей было приятно видеть, как ежедневно к концу смены из ее цеха вывозили опромные токи мануфактуры. Мануфактура грузилась в вагоны, ее развозили по городам и селам нашей обширной страны и где-нибудь в Сталинграде или Ашхабаде, на Дону и на Амуре люди покупали ткань, выработанную ею, ткачихой Ключевой.

Все было привычно, прочно.

И вдруг грянула война. Она ворвалась в наш быт стремительно и внезапно. Она нарушила наш мирный труд. Пятерых сынов, молодец к молодцу, отправила ткачиха на фронт защищать родину, честь, свободу советского народа. Это было очень тяжело, но она понимала: иначе быть не может, так надо для спасения родной земли от вторгнущегося подлого врага. Провожая сынов, ткачиха наказывала им: бить врага нещадно, бить крепко, по-рабочему.

Но еще тяжелее было чувство, которое она испытала несколько месяцев спустя, когда фронт придвинулся вплотную к стенам ее родного города. И вот настал день — уже была слышна артиллерийская канонада — вместе с другими работницами ей пришлось покинуть свой дом, свою фабрику, сесть в вагон и ехать в другой край, к незнакомым людям. Когда в предрассветной мгле наступающего осеннего сырого дня поезд отошел от вокзала и мимо окон потянулись знакомые места, будто от сердца оторвался кусок и в груди защемило.

...Нелегко расставаться с обжитым местом, со своим родным городом, где ты родился, вырос и состарился.

II

К новому месту жительства, в колхоз имени Карла Маркса, в один из южных районов Саратовской области, ткачихи приехали поздней осенью. Стоял ненастный дождливый холодный день. На улицах села рябили большие лужи, колеса телеги увязали в жидкой хлопотной грязи. Дома и плетни прочернели от дождя.

Председатель колхоза, озабоченный множеством дел, встретил приезжих и, словно предупреждая излишние разговоры, торопливо сказал:

— Хлеба дадим, а насчет молока туго, — извиняйте, коровы перестают доиться.

Одна из ткачих, сухая и высокая, ответила:

— Нахлебниками не будем, сами заработаем.

На следующее утро ткачихи, впятером, все вместе снова пришли в правление.

«Насчет хлеба»—решил председатель. Но ткачихи, против ожидания, заговорили совсем о другом: они потребовали дать им работу.

— Сидеть без дела не привыкли, — сказала все та же высокая и сухоощавая ткачиха.

А Клюева добавила:

— Всю жизнь провели на фабрике, это надо понять.

Председатель был явно озадачен. Куда, в самом деле, послать этих напористых и требовательных городских женщин. В степь, за соломой—они и быков не сумеют запрячь, воза не навьют; на молотьбу—того хуже—вилами друг друга еще спорят, потом—отвечай за них. Эх, уж этот городской народ!

— Не знаю, что и придумать,—сказал он в нерешительности. Фабрика — там одно дело, стой возле станка, станок сам за тебя все сработает, а у нас в крестьянстве—особая статья. Кабы летом—копнили бы, воду возили, кашеварили, а сейчас!.. Разве на ферму послать.. Да вы, поди, и коров у себя в городе не держали?

Клюева подумала: «Я даже курицы не имела, не то что коровы», а вслух произнесла:

— Посылай на ферму... Только объясни наши обязанности.

Проводив ткачих, председатель сказал:

— Задору в них, в этих городских,—куда там! Посмотрим, как будут в деле.

Ткачихи прошли на ферму. Они осмотрели все помещения, заглянули в молочную, прошли на внутренний небольшой двор, куда завозились корма. Всюду было грязно и загазовано. У самых дверей возвышался бугор навоза, приходилось низко нагибаться, чтобы войти на ферму. Между стойлами и в самих стойлах на полу толстым слоем лежала унавоженная жижа. Животные были также грязны, к их бокам прилипли ссохшиеся куски кала.

— Неужто вам самим эта грязь приятна?—обратилась Клюева к пожилой доярке.

— Мы привыкли, — ответила та простодушно.—Здесь деревня, не город.

— А коровам это не вредит?—спросила ткачиха.

— А чего вредить. Молока они все равно мало дают.

Все это очень не понравилось ткачихам, хотя из них ни одна не могла бы с уверенностью утверждать, что грязь,

сырость, холод не снижают удоя коров. Всем им было ясно одно: грязь и сырость во всяком случае влияют на здоровье животных.

Они сравнивали молочно-товарную ферму со своим ткацким цехом, где между станками стояли в кадках фикусы и олеандры, а работницы в серых чистых спецовках ходили на лаборанток, где все шло по строго заведенному порядку, и одна мысль возникла сразу у всех—перенести опыт фабричной работы сюда, в эту колхозную небольшую ферму.

За ними, за каждой, закрепили по 10-12 коров, сказали: коров надо кормить, поить, а когда отелятся—доить. Они начали с того, с чего начали бы у себя на фабрике. Там они прежде всего привели бы в порядок свое рабочее место: очистили бы от грязи и пыли станок, позаботились бы об инструменте, расспросили бы мастера или наладчика о том, как работает станок, когда он был последний раз в ремонте.

Здесь они тоже начали с наведения порядка. На ферму они пришли на следующий день все вместе ровно в шесть утра. На ферме никого не было, кроме ночного сторожа, мирно дремлющего на охапке соломы в простенке.

— Когда начинается работа?—спросила сторожа высокая худощавая ткачиха.

— Кто когда придет, тогда и работает,—ответил сторож,—у нас просто, не то что в городе.

— Мы это видим.

Ткачихи принялись за дело: вычистили стойла, в кубе вскипятили воду и теплой водой вымыли коров, постелили свежую солому.

Уже было совсем светло, когда на ферму стали сходить колхозницы-дойрки. Они молча наблюдали за ткачихами. А те, кончив уборку, напоили коров, задали им корм. Потом собрали доярок и одна из ткачих сказала:

— Учить мы вас не собираемся, а за порядком следить будем. Уберите-ка в своих стойлах, коровы утонули в грязи.

Кое-кому из доярок замечание ткачихи не понравилось и они насмешливо заговорили о том, что зря коров мылом не вымыли, учить их, колхозниц, нечего, они всю жизнь с коровами, а городские, небось, и доить не умеют. Высокая ткачиха разыскала заведующего фермой и от имени всех пятерых потребовала созвать производственное совещание.

— Это насчет навоза, что ли? — спросил уже обо всем осведомленный заведующий.

— И о навозе и еще кое о чем поговорить надо.

Производительное совещание в тот день не состоялось, не состоялось оно и на следующий день, только на третий день к вечеру, после настойчивых требований ткачих в маленькой пристройке, где принималось молоко, собрались все доярки. Совещание это было необычно хотя бы потому, что на нем выступали городские женщины — ткачихи, которые всего-то три дня работали на ферме, а рассуждали так, будто они испокон века имели дело с коровами. Они говорили о том, что успели подметить за три дня на ферме: о плохой дисциплине, о том, что доярки «не уважают коров» (это вызвало смех), не следят, чтобы коровушки (так сказала Клюева) вволю ели и пили. Все это было верно, все было именно так, как говорили ткачихи, но дояркам показалось обидным: вот приехали из города, всего-то три дня побыли и начинают учить, и они стали возражать.

— Сроду мы так коров поили. Сколько их уже вырастили!

— Тут не фабрика, а колхоз, с чистотой никак цельзы равнять. Ты уберешь, а она снова наложит. Ну и будешь весь день ходить да прибирать.

— Всего можно добиться, — настаивали ткачихи.

— Вчера я наблюдала, — заговорила Клюева, — большая рыжая корова, из твоего десятка, гражданочка, — обратилась она к сидящей у окна доярке, — не дала поить черной коровке, рогами отгоняла. А когда черная, наконец, стала пить, всех обратно погнали. Так чернушка и ушла не пивши. Разве это хорошо! Водной надо организовать, чтобы коровки пили вволю, без стеснения, а мы их всех сразу гоним, а там пила ли, не пила ли какая и не смотрим.

— Что же ты велишь черед им установить? — спросила сидевшая у окна доярка.

— А хотя бы так. Вообще порядок надо во всем навести, — заговорила высокая сухошавая ткачиха, — У нас на фабрике порядок строгий — все должны на работу являться аккуратно, во-время, опоздал хоть на двадцать минут — не взыщи. А тут как! Кто когда вздумает, тогда и приходит. Одна в семь, другая в восемь. А вот тетка Наталья вздумала на базар съездить, никого не предупредила, а ее коровы полдня не кормлены, не поены были. Это куда годится! Давайте установим строгий порядок...

Да, это было необычайное совещание. Много неприятного для себя услышали тогда доярки, они сердились, пытались возражать, оправдываться, но все, что ни говорили ткачихи, было правильно, верно, и доярки, в конце концов, с ними согласились: на ферме надо ввести порядок.

Время шло. Страна переживала суровые дни. Враг рвался к сердцу страны, к красавице Москве. Бои шли на подступах советской столицы, решалась ее судьба.

Закинутые в далекий приволжский колхоз, оторванные от привычного труда, от родных насиженных мест, ткачихи с тревогой и волнением следили за событиями на фронтах. Их родной Калинин уже был занят врагом. Быть может на месте фабричных зданий уже осталось пепелище пожарищ и груда камней. Никто из них не знал о судьбе близких, родных людей, сражающихся на различных участках огромного фронта, и все это тяжелым камнем ложилось на сердце. Но чем горше выпадают испытания, чем труднее и тяжелее, тем напористее и жестче становятся советские люди. Испытания, выпавшие на долю родной, любимой страны, еще более закаляли волю, придавали силы и энергию старым фабричным работницам. Нет фабрики, нельзя ткать полотно и бумазю — так надо работать на новом месте, ухаживать за колхозными коровами, растить телят. Все равно, что ни делать, лишь бы это шло на пользу родине, лишь бы это помогало фронтовикам быстрее одолеть врага. Если сохранить всех коров, вырастить всех телят, надаивать много молока, заготовить много масла, шерсти, мяса — разве это не помощь фронту!

Обо всем этом ткачихи между собой не говорили. Это само собой подразумевалось. Постепенно они освоились со своими обязанностями. Действуя дружно, поддерживая одна другую, ткачихи упорно отстаивали решения, которые принимались на производственных совещаниях, образцово выполняя их сами. Незаметно они стали вершить всеми делами на ферме, и колхозные доярки молчаливо признали их организующую силу, стали подчиняться тем порядкам, какие ввели на ферме эти приехавшие из города серьезные, строгие женщины.

На ферме стало чисто, опрятно. Каждое утро помещение убиралось, проветривалось, коров чистили щетками и скребницами, кормили и поили их во-время. Стала выходить стенная газета, регулярно проводились производственные совещания.

Колхозные доярки шутили:

— У нас теперь, как на фабрике, только машин нет.

Как-то на ферму заглянул председатель колхоза. Он внимательно осмотрел помещения, довольно шурился, шутил с ткачихами, крутил головой, приговаривал:

— Гляди-ка что наделали, а! Ну, молодцы!. Привыкла? — спросил он у Клюевой.

— Хитрого ничего нет, — ответила та.

— Скоро отел начнется, — предупредил председатель, — следите за коровами. Самая ваша страда.

К отелу ткачихи готовились, как у себя на фабрике готовились бы к освоению новых изделий. Они достали через районного зоотехника брошюры, читали их, беседовали о колхозницах, спрашивали подробно обо всем, что связано с отелом. И все же, когда настало время, это было в стужее январское утро, и одна из закрепленных за Клюевой коров начала телиться, ткачиха растерялась, забыла обо всем, что вычитала в брошюре и слышала от колхозниц. Она волновалась, словно роды происходили в ее семье, у близкого человека. И когда на соломе у ног коровы, слабо мыча и суча тоненькими ножками, зашевелился еще мокрый теленок, она кинулась к нему, обтерла его лапами своего теплого пиджака, бережно подняла, отнесла в угол на заранее заготовленную подстилку.

Потом началось самое трудное—дойка. Наблюдая за тем, как колхозные доярки ловко и проворно действуют пальцами, Клюева думала, что дело это нехитрое, и она сумеет все это проделать. Но когда пришлось доить самой — возникли самые неожиданные трудности. Соски у коровы были тугие, их приходилось с силой оттягивать вниз, и потому что ткачиха оттягивала соски неравномерно, корова тревожилась, не стояла на месте, перебирала ногами. Два раза она опрокидывала ведро, и молоко выливалось на пол.

Но постепенно и это дело было освоено. Уже отелилась половина коров. И тут появилась новая забота: телята заболели. Ткачихи затревожились, тем более, что колхозные доярки безапелляционно заявили:

— Сдохнут, у нас это часто бывает.

Ткачихи не могли, не хотели с этим согласиться. Они вызвали из района фельдшера. Фельдшер осмотрел телят, сказал:

— Лечение простое. Их нужно поставить в теплое помещение, тогда и кашлять не будут. А против поноса хорошо кофе густой давать с кипяченым молоком, раза три в день.

В тот же день ткачихи потребовали от председателя колхоза выделить специальное помещение под телятник.

Председатель ответил.

— С помещениями у нас плохо, это верно. Поищем, может быть что и придумаем.

Ткачихи, однако, не стали ждать, когда председатель «придумает», они разыскали по соседству с фермой заброшенную баню, подговорили колхозниц, те исправили печь, вставили, окна промазали их, как могли, утеплили. Плотник поделал ясли — небольшие решетчатые загородки, и через несколько дней в телятник были водворены новые жильцы. Ткачихи сами кипятили кофе, разбавляли молоком, поили больных телят. Они строго следили за тем, чтобы в телятнике было всегда сухо и тепло.

И наперекор предсказаниям доярок, ни один телок не пал.

У Ключевой уже доилось десять коров из двенадцати. Она надаивала за день по 40 литров. А в книжке, полученной от зоотехника, говорилось об удое в 30—35 литров от каждой коровы, получаемом в соседнем районе, о том, что таких удоев можно добиться на каждой ферме, нужно только умело ухаживать за коровами и правильно, разнообразно кормить. Ткачихи снова выдвинули на производственном совещании вопрос: достать разнообразных кормов. И тут кто-то из доярок вспомнил про заложенные прошлой осенью на силос тыквы. Две ямы, до каких же пор беречь! Теперь самый раз открыть!

Коровам стали давать силос. Молока они прибавили, но странное дело: одна давала шесть литров, другая — пять, третья — только четыре. Пытаясь установить причину, Ключева подметила: одна корова больше ест, другая меньше, и та, что больше ест, — дает и больше молока. Ключева прибавила этой корове корма, корова еще больше дала молока, еще прибавила — еще больше. Потом возникла мысль доить не два, а три раза в день, устроить отдельные кормушки, чтобы коровы ели спокойно, не мешая одна другой, готовить лучше усвояемый животными корм. В лексиконе ткачих появились новые слова и выражения: «рацион», «норма кормления», «жирность молока».

Так постепенно, день за днем, шаг за шагом превращались калининские ткачихи в заправских колхозных доярок.

IV

8 марта, в Международный женский день, в сельской школе состоялось многолюдное собрание. Укутанные теплыми платками сидели колхозницы за партами.

Председатель колхоза произнес небольшую речь, кое-кого похвалил, кое-кого поругал, упомянул ткачих, назвал их «нашими дорогими работницами», призвал колхозниц брать с них пример: «они большую подмогу оказали колхозу и как

бы не они, пожалуй, подошли бы все телята», а под конец, немного конфузясь, добавил:

— Теперь греха таить нечего. Как приехали они, у меня в мыслях про них стояло нехорошее. Послал их на ферму, а сам думаю: испортят коров. А теперь прямо скажу: ошибся я. И очень мне радостно и приятно сознавать, что так ошибся. Такими доярками мы гордиться должны. Правление колхоза решило их премировать, чтобы они еще лучше ухаживали за коровами и надаивали бы больше молока и растили бы больше мяса для нашей родной Красной Армии.

Ткачихи благодарили за внимание, обещали работать еще лучше.

Через месяц в Саратове созывалось областное совещание передовиков животноводства. И когда в колхоз пришла бумажка с предложением выделить своего делегата на это совещание, председатель колхоза, не задумываясь, решил:

— Надо кого-нибудь из ткачих послать... Ключеву.

Колхозники одобрили предложение председателя.

И вот Клавдия Матвеевна Ключева, старая потомственная калининская ткачиха, приехала в Саратов на совещание мастеров животноводства. Она выступала с трибуны этого совещания, рассказала о своей работе, о том, как она сохранила телят, как добилась высоких удоев. Сидевшие в зале опытные колхозные доярки и телятницы, чабаны и конюхи аплодировали ей, признавая ее несомненные заслуги.

Присутствовавший на совещании представитель правительства особо отметил в своей речи ее работу и сказал: «Спасибо, товарищ Ключева, за такую работу».

Маленькая, подвижная женщина с открытым русским лицом спокойно слушала похвалы. Быть может в эти минуты перед ее мысленным взором вставали знакомые фабричные корпуса, нарядный красивый клуб, где всего-то год — два назад чествовали ее, старую ткачиху, за успехи в производстве, и так же ярко горели электрические лампы-шары и так же вокруг нее были ласковые, хорошие люди.

Да, то было в Калининe, сейчас — в Саратове. Там она была ткачихой, сейчас — колхозной дояркой. Ну что ж, в дни войны надо работать всюду с предельной яростью и страстью, отдавая делу все силы, все свои помыслы. И если временно пришлось расстаться с текстильной фабрикой и прекратить выделку тканей, — будем доить коров, растить телят, давать фронту и стране как можно больше мяса, молока, масла.

...Так думает, так делает Клавдия Матвеевна Ключева, потомственная калининская ткачиха, ставшая на время войны дояркой в приволжском колхозе имени Карла Маркса.

Б. НЕВОДОВ.

314769

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

10 коп.